

УДК 101.1:316

СТАНОВЛЕНИЕ МОДЕЛИ «POPULUS CHRISTIANUS»: «МЕТАСОЦИАЛЬНЫЙ» ПОРЯДОК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.В. Рассадин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Статья посвящена изучению генезиса понятия «народ» в раннехристианской мысли. Рассматривается процесс кодификации античных «множеств», репрезентирующих феномен «социального» в Античности, в схоластическом дискурсе в гомогенное множество «*populus christianus*». Определяется уникальность социального дискурса Средневековья, объединяющего небесную иерархию и «христианский мир».

Ключевые слова: *общество, «populus christianus», социальный дискурс, Средневековье.*

Предложенная Аврелием Августином схема религиозного сообщества создала возможность формирования социальной онтологии принципиально нового вида, основанной, в отличие от античных описаний различных социальных реалий, на попытке их подгонки под идеальную метасоциальную модель организации человечества. Социальный порядок града Божьего – *Ordo amoris* – у Августина, очевидно, отражает перспективу восстановления утерянного порядка, изначально предустановленного Богом. Причина данной утраты, как и поиск пути её восстановления, были определены одним из первых христианских мыслителей, синтезировавших наследие греческой философии и христианское предание – Оригеном (ок. 185 – ок. 254). Излагая христианские идеи с помощью философского неоплатонического дискурса Ориген не только констатирует гомогенность изначального человечества, но и выделяет главную причину различий между людьми: «...Он (Бог. – *C.P.*) был причиной бытия тварей. Но в Нем не было никакого разнообразия, никакой изменчивости, никакого бессилия, поэтому всех, кого Он сотворил, Он сотворил равными и подобными, потому что для Него не существовало никакой причины разнообразия и различия. Но так как разумные твари ... одарены способностью свободы, то свобода воли – каждого или привела к совершенству чрез подражание Богу, или привела к падению чрез небрежение. И в этом... состоит причина различия между разумными тварями: это различие получило своё начало не от воли или решения Создателя, но от определения собственной свободы (тварей)» [8, с. 162–163]. Применение Оригеном «тварного» подхода к определению человеческих различий полностью нивелирует собственно социальные различия, не позволяя на этой основе осуществлять социальную рефлексию. Античные социальные категории «множеств», напротив, производило слишком много излишних, с точки зрения ранних христианских мыслителей, социальных групп и категорий.

Использование Августином понятия «народ» (*populus*) в качестве суммирующего (обобщающего) понятия для всех античных категорий человеческих множеств (*multitudine*) позволяло ему, как и всем последующим христианским социальным мыслителям, редуцировать все социальные различия до одного различия – «христиане» и все остальные, но, в то же время, ставило в качестве наиболее актуальных задачи описания структуры нового наполнения категории

«народ». Трансформация плюралистического множества категорий античных «множеств», позволявших подчеркнуть социальные различия ряда социальных групп, в единую социальную общность без прояснения изменений в социальных реалиях не отменяет множественность «социального» в позднеантичном/ ранне-средневековом обществе. Сложнейшие изменения в переходном обществе (от античных рабовладельческих имперских реалий к феодальным) не только не смогли полностью отменить «множество» как совокупность описательных категорий, но и, с другой стороны, размывали единую целокупность «народа» («христианского народа», «христианского мира»).

Как отмечает итальянский исследователь «социальных множеств» Паоло Вирно: «говоря о множестве, мы сталкиваемся со сложной проблемой: здесь мы имеем дело с представлениями, не имеющими истории и лексикона, в то время как представления о народе, для которого у нас есть подходящие слова и нюансы любого толка, хорошо кодифицированы» [2, с. 42]. Каким образом могла происходить кодификация понятия «народ» в подобных условиях? Какие «множества» приобретали существование и исчезали в условиях проективного многолетнего выстраивания гомогенного «христианства» как единого и единичного всечеловеческого «множества»?

Схоластическая модель дискурса, конструируемая на протяжении целого тысячелетия, известна в истории мировой философии как наиболее яркий образец предельно организованного рассуждения. Известный французский исследователь Юлия Кристева выделяет ряд характерных черт главного дискурса Средневековья: «схоластический дискурс, в силу своего стремления к четкому выделению различных способов рассуждения, характеризуется схематизмом, систематичностью (делит рассуждение на части); он пытается охватить целое (посредством перечисления), нуждается в дедукции» [6, с. 537].

Социальная рефлексия, представляя собой для средневековых мыслителей в большинстве случаев малозначимую тему, так же подчинялась предельной дискурсивной организации. Заимствованные у наиболее значимых учителей Античности концепты сферы «социального», как и античные базовые представления о социальной организации и порядке, дополнялись августинианским видением «метасоциальной» организации бытия. Стремление к схематизму и системности изложения привело к ряду устойчивых тенденций в формировании социального схоластического дискурса. Так, как и для всех других сфер рассуждения, для ранней схоластики характерна опора на сочинения энциклопедического характера. Создатели новых моделей дискурса и форм их выражения в виде первых универсальных, протоэнциклопедических описаний тварного мира – Беда Достопочтенный и Кассиодор не акцентировали внимание на феномене «социального», что, скорее всего, говорит как о «снятости» социальной проблематики в обществе VI–VII вв., так и достаточности наличествующей и определённо знакомой этим авторам августинианской социальной модели.

Гораздо более объёмное и в силу этого, более значимое по своему влиянию на последующие поколения мыслителей сочинение Исидора Севильского, констатирует Э. Жильсон, стало основным «справочником» Средневековья: «популярность... сочинения Исидора Севильского (ум. в 636) объяснялась большим количеством понятий и определений из всех областей, которые она предоставляла в распоряжение читателей. Его «Начала», или «Этимологии» («Etymologiae»), представляют собой нечто вроде энциклопедического справочника в 20 книгах, для которых подходят оба указанных названия. Исидор был убежден и убедил огромную аудиторию своих читателей в том, что исходная природа и сама сущ-

ность вещей познается из этимологии обозначающих их имен. Если настоящая этимология слова неизвестна, то можно изобрести ее *ad propositum*—по предположению, исходя из поставленной задачи. Истинные и ложные, нередко искусно придуманные, иногда смешные, этимологии Исидора передавались из поколения в поколение до самого конца средних веков» [5, с. 115]. Всеохватность «Этимологий» Исидора не позволили ему, в отличие от предшественников, пропустить феномен «социального». Автор «Начал» предлагает свою собственную дефиницию «народа»: «*Populus est humanae multitudinis, iuris consensu et concordi communiione sociatus. Populus autem eo distat a plebibus, quod populus universi cives sunt, connumeratis senioribus civitatis. [Plebs autem reliquum vulgus sine senioribus civitatis]. 6 Populus ergo tota civitas est; vulgus vero plebs est. Plebs autem dicta a pluralitate; maior est enim numerus minorum quam seniorum <...> Unde et populus dictus est. Graece autem populus λαός dicitur, a lapidibus. Vulgus est passim inhabitans multitudo, quasi quisque quo vult.*» «Народ (*populus*) – это человеческое множество, объединённое по общему договору законом и согласием. Народ, однако, стоит отличать от плебса, потому что народ – это прежде всего граждане, имея в виду прежде всего старейшин (*seniorum*) города. [Плебс обозначает остальную толпу без старейшин города.] Народ, следовательно, – жители всего города, по своей простоте считает плебс. Плебс, однако, говоря о множестве, совершает больше ошибок, чем старейшины. <...> Таким образом определяется народ. Греки называли народ *λαός*, от камней. Простонародье повсюду использует это множество, как ему хочется» [10].

Отсылая к «грекам», Исидор не только обозначает традиционность своих взглядов, что обеспечивается авторитетом древних, но и подчеркивает амбивалентность толкований самого понятия, заложенную в его происхождении. В данном определении явственно прослеживаются ключевые для предшествующей эпохи установки и дискурсивные правила.

Общая для европейской культуры установка на происхождение общества как концепта из наличных реалий городской жизни, отмеченная Н. Луманом («Общество становилось, таким образом, особым случаем природы, способным установить отношение наблюдения применительно к самому себе (на основании того, что общество состоит из людей). <...> При этом городские политические отношения, а вместе с ними – и подразделения, свойственные именно для города (а не для деревни) первоначально принимались как заданные» [7, с. 58]) самоочевидна для Исидора, для которого понятие народ (*populus*) релевантен только трем понятиям, обозначающим городскую «социальность»: горожане, плебс и старейшины города. При этом родовым понятием для народа является общезначимое множество (*multitudo*), а сама природа общества вслед за Цицероном приобретает юридическую основу и консенсусную форму.

Вместе с этим Исидор артикулирует два варианта понимания концепта *populus*: узкое – включающее в народ только «старейшин» города, и широкое – объёмлющее всех горожан, «граждан». Двухчастное деление граждан на аристократию и плебс, формально исходящее из древнеримских реалий, принципиально для автора, поскольку позволяет провести социальную дифференциацию формального «целого» – христианского «народа». А подчёркнуто негативная оценка простонародья и приписываемого ему «широкого» толкования понятия «народ» вкупе с признанием «ошибочности» мнения большинства задаёт последующую востребованность определения Исидора Севильского в становящемся сословном обществе Средневековья. При этом автор «Этимологий» ещё не программирует функциональное предназначение сословий, что станет крайне важной задачей в сочинениях следующих поколений христианских мыслителей.

Несовершенство наличного социального мира и аргіогі совершенство мира идеального, Созданного Творцом, переводят социальную проторефлексию с уровня межгруппового на поиск места человека и его «встраивание» во вселенский тварный порядок, «метасоциальное» сообщество людей Августина становится частью космического *Ordo*. Перфекционистское стремление восстановления утраченного превосходного состояния человека практически «снимает», в гегелевском смысле, проблему социального обустройства, поскольку более значимым оказывается положение человека в сообществе надсоциальном – небесном.

Система координат тварного мира включает и животных, но более высокое положение человека, поставленного, в соответствии с Библией, во главе земных существ, элиминирует необходимость рефлексии в этом направлении.

Крайне фрагментарное и неупорядоченное представление существ высшего порядка в Библии предопределило необходимость серьёзной рефлексивной работы по дискурсивной организации как самого пространства «небесной тверди», так и «социального» устройства существ, высших по отношению к человеку.

Наброски подобной организации модно найти у Оригена, Иоанна Дамаскина, Григория Нисского и ряда других ранних христианских мыслителей, но наиболее завершённую и достаточную форму она получает в творчестве крайне популярного в Средневековье писателя – Дионисия Ареопагита. Сложность идентификации как самого автора, так и времени написания сочинений под его именем для современных исследователей лишь усиливают значимость текстов, приписываемых данному автору для средневековых читателей. Мистическое отнесение концептуальных сочинений, фундаментальным образом определяющих порядок и соподчинённость всех небесных существ и определяющих социальный порядок земного града, к одному из апостолов придавало текстам в условиях господства дискурса, основанного на принципе «авторитета», высочайший статус. Практически непреложный (из дошедших до нас сочинений) «Корпус» Дионисия Ареопагита (в альтернативной традиции – Псевдо-Дионисия), состоящий из сочинений «О небесной иерархии» и «О церковной иерархии» для христианских мыслителей, начиная с VI в., стал каноном, безусловно определяющим *Ordo* – конгруэнтные «порядки» небесных и земных существ. Проблемность статуса данных сочинений в силу сложности определения аутентичности их автора отмечается уже в момент их появления. Современный российский переводчик и комментатор Дионисия Г.М. Прохоров подчёркивает этот момент: «Те сочинения с именем Дионисия Ареопагита, что дошли до нас, стали известны в Константинополе на поместном соборе в 532 г.: споря с православными о вере, североанне (умеренные монофизиты) сослались на эти сочинения как на произведения авторитетного человека, а затем и представили их оппонентам. Председательствовавший на соборе эфесский епископ Ипатий усомнился в их подлинности. С тех пор и по наши дни сомнение — сомнение в том, что они действительно написаны упомянутым в Деяниях апостолов Дионисием Ареопагитом — неотвязный спутник этих произведений» [9, с. 7].

Неоплатоническое толкование устройства бытия, воспринятое Дионисием у Прокла, позволяет ему создать действительно целостную взаимосвязанную картину иерархии всех тварных сущих, основанной на причастности Богу. Отечественный исследователь творчества Дионисия Д. Бирюков отмечает: «...можно уверенно говорить об иерархии тварного сущего – или иерархии причастующего – в учении Дионисия. Это следующая иерархия (по возрастающей в онтологическом смысле, а также в отношении меры сложности): *сущее – живое – чувствующее – разумное – умное*. Данная иерархия соответствует порядку степеней протяженности выступлений Божества, которые входят в заимствованную у неоплатоников

триаду *Сущее – Жизнь – Премудрость*, при том что *Премудрости* соответствуют сразу три звена в иерархии причастующего сущего: умное, разумное, чувствующее. Структура этой иерархии причастующих такова, что чем к более сложному виду принадлежит сущее, тем к большему количеству трансценденталий оно причастует» (курсив Бирюкова Д. – С.Р.) [1, с. 317]. Причастность, по Ареопагиту, детерминирована «даром жизни», дифференцированным по родам сущих. В сочинении «О божественных именах» Дионисий пишет: «И первой получает дар быть жизнью сама-по-себе-жизнь, далее вся жизнь и по отдельности каждое, чему дано быть, – способность жить соответствующим образом. Жизням сверхнебесным дается невещественное боговидное неизменное бессмертие и неуклонное непреложное вечное движение, что благодаря избыточествующей благодати распространяется и на жизнь демонов, ибо не от другой, но от той же самой Причины она имеет дар быть жизнью и пребывать. А людям как смешанным даруется ангеловидная жизнь по возможности; от избытка человеколюбия она и отошедших нас к себе обращает и призывает; и еще более божественно то, что обещано нам целиком, то есть души с сопряженными с ними телами⁵ переставить к совершенной жизни и бессмертию» [3, с. 441–443].

Тем самым, человек входит, по Ареопагиту, в сообщество ангелов, уподобляясь им собственным разумом. При этом иерархия людей продолжает иерархию ангелов: «Они, стало быть оказываются первыми и многообразно причастными божественному и первыми и многообразно выявляют богоначальную сокровенность и поэтому они, минуя всех, исключительным образом, удостоены именованья ангелами, - потому что богоначальное сияние исходит первым делом в них, и они в нас ниспосылают превышающие нас изъявления» [4, с. 81–83].

Включенность людей в более общую группу тварных сущих – лишь первый шаг к новому пониманию человеческой и социальной природы, осуществляемый Дионисием. Второй и гораздо более значимый для последующего развития социального дискурса Средневековья шаг – создание жесткой трехчастной схемы всего «метасоциального» порядка. Ареопагит определяет канонический вариант организации социальной иерархии: «Ведь не только для высших и низших, но и для равночинных умов определен этот закон всеобщим сверхсущественным Чином-началием, – чтобы в каждой иерархии были первые, средние и последние чины и силы и чтобы посвятителем и руководителями меньших при божественном возведении, осиянии и приобщении были более божественные» [4, с. 85–87]. Описанное до мельчайших подробностей властное распределение девяти чинов небесных сущих по трем уровням стало концептуальной матрицей для последующего определения социального порядка земных сущих, т. е. людей.

Список литературы

1. Бирюков Д. Иерархия сущего в патристической мысли. Григорий Нисский и Дионисий Ареопагит // Государство, религия, церковь. 2014. № 3 (32). С. 302–324.
2. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни: пер. с ит. А. Петровой под ред. А. Пензина. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 176 с.
3. Дионисий Ареопагит. О божественных именах // Дионисий Ареопагит. Сочинение. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002. 854 с. С. 207-566.

4. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии // Дионисий Ареопагит. Сочинение. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002. 854 с. С. 37–206.
5. Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века / пер. с фр. / общ. ред., послесл. и примеч. С.С. Неретиной. 2-е изд. М.: Культурная революция, Республика, 2010. 678 с.
6. Кристева Ю. Текст романа // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 656 с. С.395–583.
7. Луман Н. Самоописания / пер. нем. М.: Издательство «Логос», ИТДГК «Гнозис», 2009. 320 с.
8. Ориген. О началах // Мистическое богословие Восточной Церкви / пер. древнегреч. / сост. и предисл. Л.С. Кукушкин. М.: ООО «Изд-во АСТ», Харьков: «Фолио», 2001. 592 с. С. 31–303.
9. Прохоров Г.М. От переводчика // Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002. 854 с. С. 5–25.
10. Isidori Hispalensis. Liber IX. De linguis, gentibus, regnis, militia, civibus, affinitatibus (Исидор Севильский «Этимологии, или Начала в 20 книгах» (лат. *Etymologiae sive Origines libri XX*) Книга IX: «О языках, племенах, царствах, войсках, городах и титулах») // *Etymologiarum sive Originum Isidori Hispalensis. a W. M. Lindsay editi apud Typographeum Clarendonianum, Oxonii, MCMXI.*

THE FORMATION OF THE «POPULUS CHRISTIANUS» PATTERN: THE «META-SOCIAL» ORDER OF THE MIDDLE AGES

S.V. Rassadin

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on the genesis of the «people» notion in the early Mediaeval thought. Codification of the Antiquity «social multiplicity» representation in the form of the homogeneous multiplicity of «populus Christianus» becomes the area of detailed analysis. The specific character of the Mediaeval social discourse unifying the sacred hierarchical order with the «Christian world» is revealed.

Keywords: *society, «populus Christianus», social discourse, the Middle Ages.*

Об авторе:

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: s_r08@mail.ru.

RASSADIN Sergei Valentinovich – Ph.D., Assoc. Professor, Department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: s_r08@mail.ru.